

НИНА

18+

ВЛАДИМИР КУРИН

Владимир Сергеевич Курин

Нина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69474058

SelfPub; 2023

Аннотация

Девочка оказалась заперта в подвале. Вокруг ничего, кроме темноты, страха. И тела.

Владимир Курин

Нина

– Мам, я хочу есть. – Нина толкнула спящую маму в плечо чуть выше огромного синяка. Девочка стояла в одних трусиках и держала плюшевого зайчика в левой руке. Это дядя Геня подарил накануне игрушку на семилетие. Он был неплохим дядей, хоть они с мамой каждый раз много пили и иногда мама много плакала, когда он уходил.

Нина еще раз толкнула маму и зажала пальцами нос. От мамы плохо пахло: кислым и мутной жидкостью из бутылок, что хранятся в подвале. Нина знала, где обычно мама хранит деньги, но взять сама и сходить в магазин не решалась. Не хотела снова рейкой по пальцам. Поэтому ей ничего не оставалось, как ждать, когда мама проснется.

Она вернулась к себе в комнату, смахнула со стоп прилипшие крошки, залезла на кровать и укрылась одеялом. Мама всегда долго спала после того, как в гости приходил дядя Геня. Раньше всех она просыпалась после гостевавшего дяди Ромы, а вот после дяди Жоры она спала почти весь день. И потом, когда просыпалась, очень плохо себя чувствовала.

Девочка играла с зайчиком и смахивала с себя крошечных жучков, которые прятались где-то в одеяле. Мама говорила, что эти жучки приходят к самым сладким деткам и кусают их, потому что любят сладкое. Нине не очень нравилось быть

сладкой.

Прошло много времени и в соседней комнате послышался стон, затем кашель и хриплый голос мамы произнес слова – что они значат Нина не знала, но взрослые часто их говорили, особенно, когда о чем-то спорили или ругались. Девочка выскочила из-под одеяла и побежала к маме, пока та снова не уснула.

– Мам, я хочу есть. Мам! – прокричала Нина, еще не вбежав в комнату.

Галина лежала, схватившись руками за голову. Затем встала, опершись на локти. Захрустели пружины под матрасом и визгнули спинки. Встала, покачиваясь и опираясь о стену, прошагала в туалет.

Девочка стояла перед кроватью матери, когда та тяжело дыша вернулась и снова легла.

– Мам.

Галина простонала. Засунула руку под подушку, достала помятую купюру и протянула девочке со словами:

– На, иди, что-нибудь купи себе.

Нина схватила сторублевую купюру и побежала к себе в комнату одеваться. Она натянула синие колготки, которые привез в подарок на прошлое день рождения дядя Рома. Два пальчика на левой ноге и три на правой выглянули из носков колготок. Девочка втянула пальчики и подогнула края носков. Впорхнула в розовую маечку. Выскочила в коридор, натянула резиновые сапожки и курточку, завернувшись в нее,

словно в кокон. Замок давно уже сломался, да и ладоням внутри рукавов теплее.

С неба сыпались крупные хлопья снега, кружась в танце с ветром. С крыш свисали длинные сосульки. Нина хотела достать до одной, но ветер задувал под курточку и она не решилась высунуть руки из рукавов. Куртка распахнется и станет совсем холодно.

Когда она вышла за двор увидела соседа – деда Гришу, который громко шкрябал лопатой и сносил снег в один большой сугроб возле старой яблони. Снег слетал с лопаты, подобно летнему пуху с деревьев, и дед Гриша погружался, будто в пургу. Снежинки цеплялись к густым усам и старик громко фыркал, сдувая их.

Увидев Нину, он остановился и посмотрел на нее, покачивая головой. Девочка поздоровалась, старик в ответ махнул рукой и спросил старческим, скрипучим голосом:

– Ты куда это побежала?

– В магазин, – ответила Нина, хихикнув и втягивая голову в плечи от холодного ветра. Ей всегда было смешно, когда старик разговаривал, его усы так шевелились, словно были живыми.

Дед Гриша кивнул. Нина поторопилась в магазин, пока ноги не промокли и не начали замерзать. Сапожки прохудились еще по весне, а теперь и вовсе по подошве проползала сквозная трещина.

Уже, купив буханку хлеба, три сосиски и кукурузные па-

лочки, девочка вдруг вспомнила, что забыла дома пакет для продуктов. Как раз в этот момент тетя продавец спросила:

– Тебе пакет нужен?

Лицо женщины исказилось, то ли показывая карикатуру на улыбку, то ли прямо демонстрируя презрение.

Девочка кивнула, хоть и знала, что может получить от матери за потраченные на пакет деньги.

На обратном пути она снова встретила деда Гришу. Он подзвал ее к себе. Нина поспешила к соседу по очищенной тропинке. Он протянул девочке маленький, прозрачный пакетик. Детские ладони ощутили тепло от горячих пирожков. Нина схватила пакетик, поблагодарила старика крепкими объятиями, напрочь забыв о ветре и раскрывшейся куртке, и попрощавшись, поспешила домой.

Перед двором она остановилась и посмотрела на окно дома через щель между досок в заборе. Мамы видно не было. Девочка достала покупки из пакета и положила пень от старого дерева, а пакет спрятала в небольшом сугробе снега. Затем взяла продукты в охапку и зашла во двор.

Она сняла куртку и повесила на спинку стула в коридоре. Заглянула в комнату. Мама похрапывала. Нина облегченно вздохнула и прошла в кухню. Достала из пакета горячий пирожок, села за стол, просунув ноги между едва теплыми батареями отопления.

Она съела два пирожка и кусочек хлеба, две сосиски положила в пакетик из-под пирожков, оставив одну на столе

для мамы, и раскрыла упаковку с палочками.

Мама проснулась и покачиваясь прошла в коридор, открыла крышку подвала и с ругательствами спустилась вниз. Через минуту вернулась уже с кривой улыбкой и бутылкой, в которой болтыхалась мутная жидкость. Она прошла в кухню, налила из бутылки полный стакан, выпила и съела сосиску. Глубоко вдохнула, сморщив нос выдохнула, и вернулась в комнату.

– Где сдача!? – хрипло гаркнула она.

Нина поспешила к курточке, вынула из кармана оставшуюся мелочь и побежала к матери.

– Вот, – произнесла она, протягивая ручонку.

– Сколько потратила?

Нина задумалась, позагибала пальцы.

– Восемьдесят три.

Галина пересчитала мелочь.

– А почему здесь пятнадцать?

И тут глаза Нины округлились. Она забыла о пакете.

– Ну! Говори! – хрипло прошипела мама.

Нина виновато опустила глаза, шмыгнула носиком и произнесла:

– Я пакет купила.

Галина привстала и уставилась на дочь исподлобья.

– Ты что, дрянь, я же говорила не покупать пакеты, а брать из дома! – она уселась на край кровати и толкнула Нину в лоб. Та сделала несколько шатких шагов назад и упала. Га-

лина поднялась. Схватила девочку за руки выше локтей и тряхнула со словами: – Ты тупая!?! Сколько раз можно было говорить, чтобы ты не тратила деньги на всякую ерунду!?! Иди сюда!

Галина схватила одной рукой девочку за запястья, обхватив их, словно кольцом и потянула в соседнюю комнату. Взяв, стоявшую в углу деревянную рейку, она вытянула руки девочки и прижала к полу.

– Ты будешь получать до тех пор, пока не научишься понимать! – с этими словами она замахнулась и обрушила рейку на пальцы девочки.

– Сгинь с глаз долой!

Нина с криком, вперемежку с плачем, забежала в свою комнату, залезла под одеяло и прижала к лицу пульсирующие от боли пальцы. По щекам текли слезы. Она подула на пальцы и попыталась их согнуть, но острая боль не позволила этого сделать.

Нина старалась сдерживать себя и громко не плакать. У мамы часто болела голова и из-за плача она могла рассердиться еще больше. Тогда в ход могла пойти не только рейка, и не только по пальцам.

Плача и сдерживая плач одновременно, Нина уснула. Ей снилось, как мама и дядя Рома, и дядя Жора, и дядя Гена смотрят на ее изуродованные пальцы и смеются. Тычут в нее своими опухшими, коричневыми от сигарет, кривыми, но целыми пальцами, и смеются. От смеха их лица краснеют, а

из пастей пахнет мутной жидкостью. И слюни летят во все стороны.

Следующие три дня Нина питалась купленными и спрятанными в злосчастный день сосисками, и кукурузными палочками. Она доставала каждую палочку очень осторожно, чтобы не зашуршать упаковкой. Иначе мама могла услышать и отобрать. После Нининых оплошностей и наказаний от мамы, всегда были тяжелые, голодные дни. Дни, в которые Нина, по словам мамы, должна была осознавать свои ошибки.

Галина в эти дни жила как обычно: выпивала, много спала и ждала Георгия. Тот заявлялся перед выходными уже подшофе.

Так произошло и в этот раз. В пятницу, когда солнце нависло над горизонтом, отсвечивая багряным от снега, раздался стук в дверь. Калитку замыкать у Галины не было привычки, да и заходить к ней во двор желания ни у кого не было, если нет нужды.

– Нина, тебе пора пойти погулять! – бросила Галина, изображая улыбку и поспешила впустить гостя. В дверях возник Георгий. Крупный, с выпирающим из поношенной куртки животом и круглым, небритым лицом.

– Привет, Нинк, – Георгий подмигнул пороссячьим глазом и кивнул. – Как дела?

– Хорошо, – выдавила Нина, громко сглотнув.

– Давай-давай, доченька, одевайся, – торопила Галина.

Нина накинула колготки и маечку, и выскочила в коридор

за курточкой, где оставила ее накануне. Закрыла дверь из комнаты в коридор и обернулась. Мама обычно выпроваживала ее во двор и замыкала входную дверь. Но сейчас мама не торопилась и о чем-то говорила с гостем. Нина бросила быстрый взгляд на крышку подвала и снова на дверь. Маминых шагов не было слышно. Девочка быстренько подбежала и открыла крышку подвала, затем рванула к выходу, хлопнула входной дверью и назад к подвалу.

Аккуратно, кряхтя, она закрыла над собой крышку, чтобы та не грохнула. Спустилась по лестнице и пробралась под пустую, широкую полку на тот случай, чтобы остаться незамеченной, если мать решит спуститься за добавкой. Иначе будет худо.

Нина уже несколько раз пряталась в подвале и однажды мать решила спуститься за выпивкой. Но девочка прикрылась старым потрепанным мешком из-под картошки, и буря миновала.

И в этот раз девочка пробралась к стене, нащупала мешок и забралась в него. Все теплее, чем так сидеть. Тем более, что курточка так и осталась висеть на спинке стула в коридоре.

Нина даже проваливалась в сон, не столько от желания, сколько от холода. И где-то между сном и бодрствованием ей виделся ароматный, горячий хлеб, который только-только достали из печи. Корочка еще потрескивала, а тепло от буханки ощущалось на расстоянии в несколько шагов. Маленьких, детских шагов.

Из благоухающих видений девочку выдернули громкие голоса. В комнате кричали, ругались. Звякнула посуда, коей было в доме не так много: пару кастрюль да несколько тарелок. Нина, и без того сидевшая тише мыши, вжалась в холодную стенку и натянула пахнувший гнилой картошкой мешок на голову. Зажала уши ладонями, но и это не помогло, отзвуки голосов были слышны.

Спустя немного времени ругань прекратилась, а вверху, над дверцей в подвал, послышалась возня. Скрипнула дверь в коридор. По укрывавшему Нину мешку легонько стукнула осыпавшаяся крошка штукатурки. Девочка приспустила мешок и крошечные камушки с шорохом осыпались на пол. Она посмотрела вверх уже немного привыкшими к темноте глазами. Потрескавшийся потолок дышал. Трещины становились то шире, то уже. Кое-где с оголенных деревянных брусов осыпалась труха. Послышались медленные, тяжелые шаги. Они приближались к дверце. Губы девочки задрожали, а пальчики с силой сжали край мешковины. Сердце в груди затрепыхалось, стучало громко и часто. Так часто, что темнота вибрировала. Кто-то сверху остановился прямо над головой Нины. Скрипнула ржавая откидная петелька лаза в подвал. Нина замерла. Она не была уверена, но ей казалось, что это не мама. Слишком тяжелые шаги для нее.

В следующее мгновение темноту прорезал столб тусклого света. Дверца с грохотом упала на пол, звякнув петелькой. В свету закружилась пыль, осыпавшаяся с потолка подвала.

Нина резко подняла край мешковины и укрывшись. Затаилась не дыша. Зажмурила глаза, как будто это могло чем-то помочь. Она подумала – «Почему не мама пришла в подвал? Наверное, она слишком много выпила и не смогла пойти сама, поэтому пришел дядя Жора».

Бутылки с мутной жидкостью стояли на полке в противоположной от Нины стороне. Девочка сидела в углу, укрывшись мешком, и надеялась, что останется незамеченной.

Послышался скрип деревянных ступеней лестницы. Старые доски стонали и кряхтели под весом взрослого человека.

– Фух, – послышался вздох, грубый, мужской. – Та-ак, что тут у нас есть?

Нина, когда спускалась, в отсвете падающего в подвал света видела на полке бутылки и теперь она надеялась, что Георгий так же быстро увидит их, возьмет сколько нужно и уйдет. Но так, же она знала, что выпившие взрослые часто шагают и не видят перед глазами то, что ищут. А находят не то, что им нужно, в другой стороне.

Георгий был выпивший, но не настолько, чтобы блуждать в довольно тесном пространстве и спотыкаться.

– Во-от оно, – он громко хлопнул в ладоши и потер ими. Звук трещащих ладоней больше напоминал шкрябанье веником по пыльному полу. Затем он облегченно выдохнул и добавил – Не мало ты, Галюсик, тут поберегла.

Зазвенели бутылки вкупе с шелестом целлофанового пакета, а после к этим звукам прибавилось и дряхлое дыхание

ступенек.

Нина медленно и облегченно выдохнула, но стянуть мешок с головы не решилась, пока не услышит закрывшейся дверцы. Георгий не спешил. Наверху звякнули бутылки и снова послышалась какая-то возня. Снова скрипнули ступени. Деревянный хруст эхом взбудоражил холодные стены.

Что-то ухнуло на пол подвала и раздался еще один хруст. Но этот отличался от первого. Теперь хруст был похож на арбузный, или яблочный, когда в него впиваются зубы. Нина от неожиданности ахнула. Как ей показалось – слишком громко. И теперь, кроме мечущегося сердца и сперттого дыхания, на лбу появилась испарина.

«Точно заметит» – подумала она.

Воцарилась тишина. Нина дрожала от страха, боясь даже мыслить и дышать. Ей казалось, что сейчас перед ней стоит Георгий и улыбается своей зубастой улыбкой – ждет, когда она опустит мешок, чтобы сказать – БУ! А потом расхохотаться волчьим голосом.

Но в подвале повисла тяжелая тишина, такая же, как и запах – сырой и неживой.

Хлопнула дверца. На пол шумно осыпалась труха. Тяжелые шаги удалились, а потом послышался гулкий скрежет, такой, когда передвигают мебель. Грохочущий звук приближался, и вместе с ним слышалось бубнение Георгия. Он громко кряхтел и неразборчиво бурчал.

Наконец все стихло над Нининой головой.

Затем открылась входная дверь в дом.

– Нина! – крикнул Георгий. – Нина, ты где?

Он несколько раз позвал девочку. Выкрикивания становились тише, затем громче. Георгий ходил по двору и звал ее.

Нина опустила мешок и перед ней распахнулась темнота. Нигде не было даже тонкой ленточки света. Сначала она хотела откликнуться на зов Георгия, но затем передумала. Испугалась. Боялась, что он снова будет гладить ее щеки и облизываться, как беспризорный щенок.

– Нина, тебя мама зовет, иди домой! – крикнул мужчина совсем рядом, в коридоре, затем помолчав, буркнул. – Ну и черт с тобой.

Дверь хлопнула. Повисла тишина. Тишина, которой Нина прежде не слышала. Ей стало не по себе. Хотелось выбраться поскорее из подвала и забежать в свою комнату, укрыться одеялом с головой и согреться. А еще хотелось есть. Голод сворачивал животик в крошечный комок, который пульсировал и дергался. Слабость стала настолько сильной, что она невольно закрыла глаза и простонала.

Наверху громко застучало. Гремело так же, как осенью, когда мама обивала окна пленкой, чтобы холод не заходил внутрь дома. Она стучала небольшим молоточком, забивая крошечные гвоздики в рамки окон. Стекла тогда дребезжали, и она начинала стучать аккуратнее, чтобы они не треснули. Но сейчас стук был намного сильнее. И дребезжала вход-

ная дверь, повизгивая петлями.

Вскоре снова пришла тишина, и Нина, сморенная страхом и голодом, уснула. Ей снился хоровод вокруг новогодней елки, дед мороз, раздающий подарки, смеющиеся дети и салют. Проснулась она, когда в нос ударили запахи праздничного стола. Пахло так же, как в магазине: горячим хлебом, колбаской и мандаринами.

Она открыла глаза и перед ней стеной стояла темнота. Девочка проморгалась. Но темнота не спешила отступить. Нина встала и простонала; ноги затекли и по ним побежали безжалостные мурашки. Животик ныл, пульсировал.

Руками нащупала стенку и шагнула вперед, туда, где должна быть лестница. Сделала всего несколько маленьких шажков, прежде чем обо что-то споткнулась и упала на что-то мягкое. От неожиданности Нина вскрикнула и отпрыгнула в сторону, ударившись головой о полку. Присела от боли, прижавшись к холодной стене и схватившись руками за уши. Ее пальцы чувствовали, как на затылке растет шишка. Губы задрожали и вскоре она заплакала.

Немного успокоившись, Нина протянула руку вперед, пытаясь нащупать обо что споткнулась. И нащупала...

Ледяной кол пронзил ее тельце и душу. Испуг колючими иглами прошел от пяток до головы. Она трогала рукой чью-то ногу. Сквозь прохудившийся носок на чьей-то ноге она коснулась рукой теплых пальцев.

Девочка вздрогнула, вскрикнула и отпрянула обратно к

стене, заткнув ладонями рот. У нее не возникло даже детских сомнений: чья-то нога – это нога ее мамы.

– Мам? Мама? – произнесла она.

Мама молчала.

Девочка придвинулась ближе к лежащей матери и нащупала ее руку. Провела ладонью выше, к плечу, и легонько потрясла.

– Мам, просыпайся, – сквозь всхлипы прошептала Нина.

Мама молчала. Нина плакала. Слезы стекали по щекам и, едва различимой в тишине капелью, падали на бетонный пол.

Девочка принялась ощупывать маму, касаясь ее влажных волос, груди, живота и бедер. Чуть выше бедра на боку мамы ощутила ладонью что-то влажное и липкое. Одернула руку и наскоро вытерла испачканную ладонь о колготки.

– Мам?

Девочка еще несколько раз позвала маму, но та молчала и никак не реагировала на зов дочери. Вскоре Нина почувствовала себя очень плохо: голова кружилась, губы высохли и неприятно скукожились, а слюны во рту, чтобы их смочить, не было.

Ощупывая пространство вокруг, она встала и направилась вперед, к лестнице. Глаза понемногу привыкли к темноте, но разглядеть лестницу, как и лежащую маму, все же не удавалось. Поэтому девочка вытянула вперед руки и, водя ими из стороны в сторону, принялась искать путь к выходу.

Сделав несколько шажков, наткнулась на вертикальный деревянный брус. Слева от него нащупала перекладину и встала на нее ногой. Поднялась на ступеньку выше и хотела схватиться руками за следующую перекладину, но не нащупала ее. Вместо ступени были обломки с торчавшими в разные стороны щепками.

Нина потянула руки еще выше. Перекладина выше на месте. Задрав ногу, оперлась коленом одной ноги на ступень, а другой оттолкнулась и схватилась правой рукой за ступень вверху.

Она поднималась, пока не наткнулась рукой на дверцу подвала. Толкнула ее. Но та не подалась. Еще толчок, но и эта попытка не принесла никаких результатов, кроме сыплющейся трухи. Дверца даже не качнулась. После нескольких отчаянных попыток открыть дверцу и выбраться наружу Нина заплакала от бессилья.

Аккуратно, оступаясь, но держа равновесие, спустилась вниз.

Оставшихся сил было совсем мало, но хватило, чтобы пролезть на четвереньках к стене, нащупать мешок, положить его рядом с матерью, рухнуть и обнять едва теплое тело.

Нина спала крепко, без снов, но ощущая каждой клеткой своего тела подвальный холод.

Она не знала сколько прошло времени, когда проснулась. В животе урчало. Горло трещало от сухости. Перед глазами снова тьма и теперь снова придется ждать, пока начнут про-

являться смутные очертания подвала.

Нина подняла голову с руки матери, привстала, облокотившись на локоть и нащупала лицо мамы. Холодное. Провела пальцами вниз. Щеки впалые, будто она закусила их зубами. Казалось, что зубы вот-вот прорежут кожу и окажутся снаружи.

Девочка вздрогнула.

На прохудившемся тапочке на ноге матери что-то светилось. И это не от привыкшего к темноте зрения. Это свет. Нина обернулась. Где-то впереди, на дальней стене, тоже висело светлое пятно, узкое и продолговатое, как кошачий зрачок.

Девочка вскрикнула от испуга и рванула в обратную от странного свечения сторону. Она присела спиной к стене и почти вжалась в нее, не обращая внимания на холод, пронзивший лопатки. Обхватила ноги руками и уткнулась лицом в колени.

– Мама, мама, мамочка, мне страшно, – начала она шептать, понимая, что мама не ответит, но больше не к кому обратиться. – Пожалуйста, пожалуйста.

Она ждала, что сейчас кто-то или что-то захрипит, разбрасывая слюну во все стороны, зацокает когтями, отбивая искры от бетонных стен. Кто-то тяжело задышит прямо в ухо и в нос ударит гнилью, лизнет мерзким, шершавым языком, таким же, как пальцы Георгия. Заскрипят ржавыми петлями зубы и клацнут старым амбарным замком перед лицом.

Девочка затихла. Сдержалась, чтобы не всхлипывать. Прислушалась.

Как бы она не старалась уловить детским, еще острым, слухом хоть какой-то звук из тех, что представляла в фантазиях, но не слышала. Тишину нарушал только легкий гул ветра, который поглаживал ее по оголенной ступне. Нина коснулась щиколотки и ветер прохладой лизнул костяшки пальцев руки.

Нина выдохнула с облегчением, когда оторвала голову от колен и посмотрела вперед. Пятно неподвижно продолжало висеть на стене, на таком же расстоянии и на том же месте, что и прежде.

Девочка встала и прошла вперед, к пятну. Это была вентиляция. Та самая толстая труба, которая торчала из-под земли с тыльной стороны дома и о которой Нина строила самые различные теории. Недалеко от края в трубе лежал небольшой сугробик снега. Нина схватила его и с жадностью принялась жевать. Снег был очень холодный и девочка, прежде чем проглотить, решила немного подержать его во рту.

Она обернулась. Света из трубы едва хватало, чтобы осветить тонкую ленточку подвального пространства. Но хватило, чтобы разглядеть на ближайшей треснутой полке стеклянную бутылку без этикетки. Нина схватила бутылку, та была без крышки и пустая. Девочка вернула ее на место. На пыльной поверхности стекла отпечатались тонкие пальцы.

К этому времени снег во рту растаял и превратился в во-

ду. Нина сделала жадный глоток. Горло смочилось и ей показалось, что даже дышать стало легче.

Она посмотрела на маму. Силуэт женщины был почти не виден, только слегка подогнутые в коленях ноги. Между носком и резинкой домашнего трико выглядывала белая кожа, которая чуть ли не отсвечивала от света. Девочка сделала несколько неуверенных шагов к телу матери и присела рядом. Хотела взять ее за руку, но отпрянула, когда коснулась скрюченных, окоченевших пальцев.

Гул ветра из трубы разбавили всхлипы, а вскоре к всхлипам присоединился и плач. От плача в животе начались судороги. Нина легла набок, поджала ноги и обхватила себя ослабшими руками.

После того, как она успокоилась боль в животе немного отступила. Нина приподнялась и уселась на мешок. Ее трясло. От холода, от страха, от голода.

В трубе снова образовался сугробик. Нина со стоном поднялась на ноги и прошла к трубе. Трясущимися руками схватила снег и засунула в рот. Зубы пронзил холод и челюсть невольно открылась, выронив часть снега. Девочка задыхалась открытым ртом. От зубов стрельнуло в затылок и шею, и Нина рухнула на пол.

– Мам, я есть хочу, – прошептала она, когда очнулась. Голова шла кругом. Перед глазами плавали серые круги. Она нащупала руку мамы. Просунула свои пальцы между скрюченных материнских и жала.

– Мам, – снова шепотом произнесла она, и смолкла.

Когда проснулась светлого пятна на стене уже не было, и Нина, не веря своим глазам, осмотрелась по сторонам. Темно. Рука онемела от холода материнской ладони. Нина коснулась лица мамы. Чуть теплее снега. А может такое же. Высвободила руку, но ей показалось, что пальцы матери сжались плотнее по сравнению с тем, какими были, когда она засыпала.

– Мам, – несколько с задором произнесла Нина. – Мам, ты спишь?

Но нет. Мама не может спать и быть такой холодной.

Девочка прислушалась, притихла. Гул из трубы стал заметным. Встала и крадучись направилась в сторону звука. Потянулась рукой, нащупала стену. По лицу прошел холод. Нашла трубу, просунула в нее руку. Выдохнула, нащупав сугробик. На этот раз сугробик был больше. Нина скомкала снежок и вернулась к матери.

Пока снег таял во рту она ощупывала маму. На ногах старенькое трико, это она заметила в блеклом свете, выше была надета олимпийка, под ней футболка.

Нина схватила рукав олимпийки и потянула. Тянула изо всех сил, но так и не смогла стянуть. Затем попыталась повернуть маму на бок, но та была невероятно тяжелой, а руки и ноги совсем не гнулись.

Девочка, покачиваясь, на ощупь пошла по подвалу, в надежде найти что-нибудь, во что можно было бы завернуть-

ся и согреться. А еще поесть. Прошла вдоль стены по кругу и добралась до лестницы, где споткнулась о что-то между лестницей и стеной. Вскрикнула от неожиданности и боли в большом пальце левой ноги. Руками ощупала препятствие. Им оказался деревянный ящик, сбитый из толстых досок с прогалинами. Осторожно нырнула дрожащими руками внутрь ящика. Нашупала какую-то пленку. Вытащила ее и положила рядом с ящиком. Под пленкой лежало что-то тряпичное. Она судорожно принялась ощупывать находку. Что-то похожее на свитер с рукавами и длинным воротником.

Это оказалась кофта или что-то в этом роде с пуговичными застежками спереди и на рукавах.

Нина закуталась в находку, которая свисала почти до колен и принялась снова копошиться в ящике в надежде найти что-нибудь съедобное. Кроме толстого слоя пыли в ящике ничего больше не оказалось. Она встала на четвереньки и поползла вперед, ощупывая темное пространство и холодный пол. Раньше, когда была жива бабушка, в подвале всегда можно было найти купорку, мешок картофеля, свежие овощи. А теперь подвал пустовал.

Вернувшись к матери, улеглась на мешок, прижалась к олимпийке, разделяющей ее и холодное тело мамы, укуталась с головой и провалилась в сон.

Проснулась от тревоги. Мама такая холодная. Девочка повернулась на другой бок, лицом к маме, развернулась из одежды, словно бабочка из кокона, и укрыла краем кофты

маму.

Холодный ветер прошелся по подвалу, заглянув под укрытие девочки, лизнул ледяным языком по позвоночнику. Она вздрогнула, съежилась, сжалась в комочек, уткнулась лбом в твердую плоть родителя и снова уснула.

На стене снова появилось светлое пятно. Нина видела его в тумане и не могла поймать взглядом. Она закрывала глаза, с силой зажмуривала, но, когда открывала, пятно все равно плавало из стороны в сторону. Она не могла разглядеть есть ли в трубе сугробик. Попыталась сесть, но не вышло. Тело не слушалось. Оно дрожало, как стекло, когда мама прибывала пленку. Животик болел так, словно все внутренности кто-то выкрутил, как постельное белье. Иногда боль была настолько резкой и острой, будто кто-то пронзал внутренности сотнями зубчатых игл. Или жестокий лучник ежесекундно выпускал смертоносные стрелы с зазубринами, которые рвали каждый сантиметр детской плоти.

Нина жадно хватала воздух. Тошнота подбиралась к горлу и предательски там застревала, не позволяя ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Девочка нащупала руку матери. Ее ладонь стала гораздо мягче.

– Мама, мама – попыталась произнести Нина, но вышел лишь воздух и хрип. И в этот момент в груди что-то взорвалось и резануло острым когтем. В глазах потемнело. Девочка с усилием направила взгляд к пятну света на стене, но там

повисла тьма. Непроглядная. Живая. С когтями вместо пальцев, с бездонными колодцами вместо глаз, с острыми ножами вместо зубов. Тьма скалилась. Тьма шептала. Тьма плакала.

Завыл волком ветер, гоняя холод по углам. Стены тихо зашептали, шурша трещинами и камнями, заиграла мелодия звуков жизни и смерти.

Раздался смех, словно удар молота в колокол, следом плач, словно скрип усталого флюгера. Мелькнули в темноте скрюченные, костлявые пальцы, безликие с пустыми глазницами фигуры метались вокруг.

– Нина, пора просыпаться, – прошептал голос из темноты.

Нина знала этот голос. Ни с каким другим не спутать голос мамы.

Нина изо всех сил пыталась вырваться из жестокой темноты навстречу голосу.

– Ниночка, просыпайся.

Девочка отталкивалась, отбивалась от темноты, но та ее крепко держала, заглатывая и окутывая своим бурлящим нутром. Девочка боролась, хваталась за воздух, будто он может стать спасительной опорой, словно он может стать осязаем. Но темнота тоже не сдавалась: проникала все глубже в Нину, в каждую ее клетку, в каждую пору.

Кто-то потянул девочку на себя от темноты. Кто-то сильный.

Нина с трудом разлепила глаза.

В подвале царил полумрак. Из трубы в стене светил яркий свет и дышал прохладный ветер. Девочка посмотрела на себя: теплая кофточка, которую мама когда-то носила, а потом бросила в подвал и забыла, местами худые колготки, из протертых носков торчали потемневшие пальцы.

Голова очень сильно болела, да и все остальное тело тоже. Животик, словно кто-то завязал в тугий узел, а горло, будто после пожара, все в трещинах и окалинах.

Она не успела осмотреться, как на ее хрупкое плечико легла чья-то рука. Девочка была слишком обессилена, чтобы закричать или отскочить. Все, что она смогла – сделать резкий неглубокий вдох. Вдох, который резанул грудь.

– Прости меня, – пропел голос за спиной. Мамин голос.

Нина повернула голову и посмотрела на руку мамы: тонкая с костлявыми, кривыми пальцами. Девочка сглотнула, и вниз по горлу прокатился раскаленный камень. Она задышала чаще, несмотря на рвущую легкие боль.

Попыталась встать, но упала. В ногах не осталось сил. Она оперлась руками о пол, но тут же свалилась. Задергала ногами, пытаясь оттолкнуться от пола. Больно скользя позвоночником по камням, она все же отползла на два-три шага.

Из темноты в лучи слабого света вышла мама. Она двигалась мелкими шагами, переваливаясь с ноги на ногу, качалась из стороны в сторону, как тонкая ветка на ветру, тянула к Нине корявые руки. Плечи в раскосую торчали костями в разные стороны. Когда взгляд девочки встретился с бесцвет-

ными глазами матери, на обтянутом кожей черепе нарисовалась улыбка из черных губ. Мама приближалась, источая запах давно нестиранных вещей и гнилых продуктов.

– Ниночка, – позвала мама.

Девочка заплакала.

Мама протянула руки к дочери. Нина закрыла глаза и ответила тем же.

– Ты должна жить, девочка моя, ты должна жить. – прошептала Галина на ушко дочери.

– Я хочу есть, мам.

– Ешь, девочка моя, ешь. – мама прижала дочь к груди.

Нина почувствовала прикосновение груди к щеке. Она чуть повернула голову и обессиленно обхватила сосок губами. Ее язык свернулся трубочкой, и девочка принялась причмокивать. С каждой секундой хватка языка становилась крепче, губы все сильнее сжимали материнскую грудь. Пальцами одной руки Нина сжимала холодную спину матери, пальцы другой вонзились в ребра под грудью.

В дело пустились зубы. Сначала она легонько надавила ими на сосок, но вскоре прикусила сильнее. Еще сильнее. С жадностью. Девочка стиснула зубы и почувствовала, как на язык упало что-то маленькое, словно шарик. В рот потекла холодная жидкость с привкусом поржавевшего гвоздя. Жидкость стекала по трубочке языка в горло. Нина жадно ее поглощала, глоток за глотком. Мягкий шарик прошел через горло и ухнул в желудок.

Девочка чуть шире открыла рот и захватила челюстью материнскую грудь. С усилием стиснула зубы. Кусок плоти плюхнулся на язык и Нина, не раздумывая, начала жевать и шумно проглатывать. Затем последовал еще кусок, но откусить мешал тянущийся за куском шнурок и тонкие нити. Зубы сжались до скрипа, но те не поддавались. Девочка резко дернула головой. Послышался звук рвущейся ткани. Длинное и мокрое шлепнуло по подбородку и шее. Нина втянула сухожилия и вены сквозь губы, словно спагетти. Быстро прожевала, проглотила и вот уже зубы снова вцепились в тело за новой порцией. Нос уткнулся в мокрое и липкое. Хлюпающие звуки сопровождали каждое движение челюсти.

Девочка запустила внутрь матери руку, нащупала мякоть, сдавила пальцами, оторвала небольшой кусочек и отправила в рот. Руки и лицо стали мокрыми и липкими, желудок заурчал, принявшись переваривать пищу. Нина постепенно ощущала прилив сил, но и холод становился пронзительней и гуще.

Григорий часто выходил во двор: почистить тропинки, подышать зимним, колючим воздухом и увидеть Нину, чтобы чем-нибудь угостить. Он несколько раз хотел пожаловаться на Галину, что та недолжным образом заботится о дочери и ведет непристойный образ жизни, но Валентина, жена, отго-

варивала. Каждый раз она повторяла:

– Успокойся старый, больше проблем оберешься. Видал какие к ней гости заходят, убьют и в ус не дунут. Вон, подкармливаешь и хорош на этом.

– Да жалко ж дитя...

– Жалко, но свою жизнь жалче. У тебя вон внуки есть, о них думай.

Согласен был с Валентиной Григорий, хоть и поверх согласия душу скребли битые стекла.

Выглядывал в окна, нарочно оставляя в спальне приоткрытой форточку, чтобы слышать скрип соседской калитки. В последний раз он слышал скрип, когда из двора вышел здоровый неотесанный мужик. Он шел по улице, бурчал и матерился себе под нос, то и дело оглядываясь. После этого вот уже несколько дней ни слуху ни духу из двора Галины. Тоскливо и тревожно стало Григорию. Несколько раз он выходил за двор, проходил мимо соседского дома, заглядывал во двор и смотрел из-за забора в окна. Но ничего не видел, ни малейшего движения, ни отблеска света.

Спустя почти неделю переживания Григория усилились. Целыми днями щемило в груди. Давило. Душа гудела и сбивалось дыхание.

Не выдержал старик.

Накинув фуфайку и сапоги, вышел он из двора и направился к соседям. Несколько раз крикнул через забор. Не дождавшись ответа дотянулся рукой через калитку до щекол-

ды. Брякнул замерзший металл, скрипнули петли. Следов по двору никаких не было, только чистый снег. Подошел Григорий к двери и охнул, когда увидел, что дверь заколочена двумя досками. Под ногами что-то брякнуло. Расчистил снег ногой и увидел молоток и несколько погнутых гвоздей.

Григорий сходил домой за гвоздодером и принялся выворачивать доски с двери. Валентине ничего не сказал, потому что она не позволила бы ему и шага сделать по соседскому двору. Григорий шел за своим предчувствием, которое теперь стало еще тревожнее. Пожилые руки, которые уже облюбовал артрит, слегка неуклюже, но настойчиво поддевали доски и выгибали гвоздь за гвоздем. Одышка начала аукаться иглами в легких, а на глазах появились капли – от недоброго в душе и напряжения в руках.

Первая доска стукнула о бетонный порог. Григорий смахнул ее ногой в сугроб и принялся за вторую. Протяжней заскрипели гвозди, тяжелее давалась преграда уставшим рукам старика. Со стонами и вздохами корпел Григорий, выпуская изо рта и ноздрей густые клубы пара. Гвоздь за гвоздем, миллиметр за миллиметром отходила доска от дверной коробки, освобождая путь.

С хрустом и скрипом выдрался последний гвоздь и, брякнув, брусок свалился на порог.

Григорий дернул ручку входной двери, та щелкнула, визгнула, но дверь не открылась.

«Замкнуто» – вздохнул старик. Выпрямился, набрав в

легкие воздуха, и снова ссутулился. Обтер седую щетину ладонью, сжал покрепче гвоздодер в руке и принялся за дело.

Когда Григорий разбил деревянный косяк двери, высвободив путь запертому замку, скрипучая дверь приоткрылась. Старик потянул за ручку и замер.

По полу коридора, от двери к небольшому шкафу у стены с треснутым зеркалом на дверце, тянулась густая полоска засохшей крови. Григорий со шлепком прикрыл рот ладонью и зажмурил глаза. И в темноте перед ним понеслись картинки, словно старые фото тех событий, что видел во время войны будучи мальчишкой. Задрожали еще сильнее морщинистые руки, а из уголков глаз покатались капли слез. Острая боль пронзила сердце старика, подогнулись и без того ослабшие от возраста ноги. Он облокотился плечом на дверной косяк. Затряслись плечи старика от плача.

Несколько минут простоял он в дверях прежде, чем неуверенными шагами подошел к шкафу. Сделав глубокий вдох, отворил дверь. Где-то с облегчением, а где-то с еще более мрачными мыслями, обнаружил внутри пустоту. Бросил взгляд на пол, прищурился, встал на колено и присмотрелся.

Кровь тянулась не в шкаф, а под него.

Григорий встал, медленно и глубоко вздохнул. Приложился плечом к шкафу и, собрав в себе остатки былой силы, толкнул. Нет, силы уже не те, когда он запросто мог закинуть мешок цемента на плечо и подняться на пятый этаж. Теперь ему с большим трудом удалось бы подняться на такую вер-

хотуру, даже без мешка.

Старик осмотрелся по сторонам в поиске какого-нибудь рычага, чтобы поддеть шкаф под низ и опрокинуть или сдвинуть с места. Ничего подходящего не найдя, он быстрыми, насколько это возможно, шагами потопал домой. Вернулся через несколько минут с железным ломом наперевес.

Гокнул в пол под край шкафа притупленный конец и приподнял вверх. Шкаф, хоть и самую малость, но подался. Еще раз поддел. И еще раз. Из-под днища выглянул лючок подвала. Сжалось в груди старика, скукожились внутренности, забурлила кровь в жилах.

Через несколько минут дверца подвала полностью освободилась от деревянного «надзирателя». Григорий смотрел на нее испуганными глазами на покрасневшем лице.

Встав на колени и выдохнув, он задержал дыхание и взялся рукой за тонкое металлическое колечко. Потянул.

Свет из окна за его спиной разрезал подвальную темноту и осветил квадратик того кошмара, который открылся взору.

Старик отпрянул от зловонья, что ударило в нос из подвала. Закрыв лицо ладонями, чтобы они скрыли от его глаз весь ужас, что прятала в себе квадратная пасть подвала. А когда осмелился открыть глаза увидел, как две тощие ручонки тянутся к свету.